

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.14

Правильная ссылка на статью:

Захарова Ю. П., Любимова А. И. Благополучие и неблагополучие семьи и ребенка в нарративах специалистов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 280—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.14>.

For citation:

Zakharova Y. P., Lyubimova A. I. (2019) Family and Children Well-Being and Ill-Being in the Narratives of Experts on Prevention of Child Abandonment and Juvenile Delinquency. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 280—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.14>.

Ю. П. Захарова, А. И. Любимова
БЛАГОПОЛУЧИЕ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ И РЕБЕНКА
В НАРРАТИВАХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ
БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

БЛАГОПОЛУЧИЕ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ И РЕБЕНКА В НАРРАТИВАХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

FAMILY AND CHILDREN WELL-BEING AND ILL-BEING IN THE NARRATIVES OF EXPERTS ON PREVENTION OF CHILD ABANDONMENT AND JUVENILE DELINQUENCY

ЗАХАРОВА Юлия Петровна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: 4zet@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9737-6677>

Yuliya P. ZAKHAROVA¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: 4zet@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9737-6677>

¹ Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

ЛЮБИМОВА Александра Игоревна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: Alexandra.lyubimova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1604-2363

Aleksandra I. LYUBIMOVA¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: Alexandra.lyubimova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1604-2363

¹ Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты подготовительного этапа лонгитюдного исследования, посвященного жизненным траекториям семей и детей, находящихся в контакте с системой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних г. Санкт-Петербурга. Ввиду недостаточной определенности критериев, регулирующих работу с семьей, в нормативно-правовой документации значительную роль в дальнейшей траектории семьи и несовершеннолетнего начинает играть субъективная оценка ситуации специалистом. Для понимания оснований этой оценки мы провели серию из 11 полуструктурированных экспертных интервью со специалистами Санкт-Петербурга, представляющими разные органы, входящие в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. При оценке благополучия специалисты использовали как объективные, так и субъективные критерии, которые соответствуют современным научным и практическим тенденциям в понимании этого явления. В ходе интервью подтвердилась гипотеза о высокой субъективности принятия решений и значительной роли специалиста в развитии дальнейшей жизненной траектории семьи. Специалисты продемонстрировали понимание благополучия, созвучное современным представлениям о данном феномене.

Abstract. The article is focused on the findings of a preparatory stage of a longitudinal study devoted to life trajectories of families and children coming into contact with the system of prevention of child abandonment and juvenile delinquency in St Petersburg. Taking into account that the criteria describing the work with families are not well determined, expert's subjective assessments of the family situation play a big role in regulatory documentation. To detect what those assessments are grounded upon a series of 11 semi-structured expert interviews were conducted in St Petersburg. The experts were persons working in the system of child abandonment and juvenile delinquency prevention bodies. In their assessments of the well-being experts used both objective and subjective criteria which fit modern scientific trends and practical experience. The hypothesis about the experts' great role proved to be true. The experts' views of well-being were consistent with the modern views of this phenomenon. They believe that a child's well-being/ill-being is defined by his/her family's well-being/ill-being. Well-being/ill-being mediators are family and child resources (internal and external). As viewed by the experts, family fitting social norms is a key factor for child well-being. Thus, a difficult family (a family which does not fit social norms) contributes to child ill-being. Further investigation of well-being/ill-being

Они убеждены, что благополучие и неблагополучие семьи определяет благополучие или неблагополучие ребенка, проживающего в ней. Медиаторами благополучия и неблагополучия являются ресурсы (внутренние, внешние) семьи и ребенка. В представлении специалистов семья, соответствующая существующим в обществе нормам, — залог благополучия ребенка. Соответственно этим убеждениям, неблагополучная семья, а именно семья, отклоняющаяся от норм, формирует неблагополучие ребенка. Необходимо дальнейшее исследование критериев и стадий (не)благополучия и выделение индикаторов, позволяющих специалисту ориентироваться в принятии решения о возможностях дальнейшей работы с семьей или ребенком.

Ключевые слова: благополучие детей, неблагополучие детей, жизненные траектории, экспертное интервью

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Социальные траектории детства в современной России», поддержанного грантом Российского научного фонда № 16-18-10372.

criteria and stages as well as indicators helping experts in their work with families and children is required.

Keywords: child well-being, child ill-being, life trajectories, expert interview

Acknowledgments. The study was part of the project “Social trajectories of childhood in modern Russia” supported by Russian Science Foundation grant (no. 16-18-10372).

Введение

Улучшение положения детей и социальная поддержка семей с детьми являются приоритетными направлениями государственной социальной политики России последних лет. В мае 2017 г. Президентом Российской Федерации был подписан указ об объявлении периода с 2018 по 2027 гг. Десятилетием детства¹. Основными задачами для государственных институтов стали профилактика социального сиротства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; развитие эффективных форм помощи семьям и детям, реабилитационная работа с семьями. Практическое решение этих задач требует операционального определения для идентификации нуждающихся.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Президент России. 2017. 29 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 11.12.2019).

Дискурс научный и дискурс законодательный

Российский научный дискурс по проблемам социальной защиты семей с детьми и самих детей достаточно обширен и разнообразен ([Ярская-Смирнова и др., 2014; Социально опасное..., 2015; Поддубная, 2008; Мехришвили, Леонова, 2015; Семья, 2013; Рыбинский, Кузнецова, Несмеянова, 1998; Астоянц, 2006; Олиференко, Шульга, Дементьева, 2008] и др.). При обсуждении защиты детства много внимания уделяется феноменам благополучия и неблагополучия, которые, как правило, определяются через перечни критериев. Е. Р. Ярская-Смирнова с коллегами обобщили критерии, которые встречаются в литературе по вопросам благополучия: «состояние здоровья и возможности для полноценного физического, умственного и эмоционального развития, наличие дружественной социальной среды, способствующей росту и развитию ребенка, поощряющей творчество, самовыражение и ответственность ребенка» [Ярская-Смирнова и др., 2014: 73], а также негативные характеристики, такие как «материальная необеспеченность, недоступность медицинских услуг, образования, деструктивные отношения в семье и со сверстниками, поведение, ведущее к ухудшению условий жизни и здоровья самих несовершеннолетних и их окружения, риски различного рода, исходящие извне и из ближайшего окружения ребенка, а также низкая степень удовлетворенности жизнью у детей» [там же: 83].

В зарубежной науке понятие благополучия детей в настоящее время активно формируется. Идет поиск объективных и измеримых критериев, а также исчерпывающего перечня доменов благополучия, внутри которых должны быть сформулированы перечни индикаторов [ЮНИСЕФ, 2007]. В целом выделено несколько основных направлений, в рамках которых определяется и оценивается благополучие детей: с точки зрения удовлетворения развивающихся потребностей; с точки зрения реализации прав; с точки зрения качества жизни; с точки зрения доступа к ресурсам, необходимым для развития. Благополучие концептуализируется в терминах объективных (например, академическая успеваемость, состояние здоровья) и субъективных (например, удовлетворенность различными аспектами жизни, радость жизни, навыки) показателей. В современных исследованиях благополучия детей отмечается очевидное смещение акцента в сторону работ, ориентированных на политику. Основным критерием выбора индикаторов является их полезность для общественных деятелей и для политиков для формирования социальной политики [Русакова, Одинокова, 2014]. «Запрос на оценку субъективного благополучия детей поступает от общественных и государственных организаций, работающих в сфере защиты прав детей, Уполномоченных по правам ребенка, благотворительных общественных организаций» [Одинокова, Русакова, Усачёва, 2017: 131]. В ответ на это значительно возросло число исследований, посвященных субъективным аспектам благополучия детей. «Это отражает социальные тенденции беспокойства о правах, участии и позитивных элементах жизни детей» [там же].

Рассмотрим, что же закреплено в документах, которыми руководствуются специалисты, работающие с семьями и детьми. На сегодняшний день большинство семей, которым требуется помощь, могут обратиться в социальные службы в заявительном порядке, либо попасть в поле зрения социальных служб в ходе прояснения обстоятельств, связанных либо с нарушением родителями исполне-

ния их родительских обязанностей, либо с поведенческими нарушениями самого ребенка. В нормативных документах регионального уровня существует понятие социально опасного положения несовершеннолетних и семей (СОП)². Семьи, признанные находящимися в СОП, должны получать социальное обслуживание, но на федеральном уровне единый порядок отнесения семей к категории находящихся в СОП отсутствует [Социально опасное..., 2015].

Различные регионы по-разному подходят к решению этой проблемы. В регионе нашего исследования — г. Санкт-Петербурге — принят «Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга при организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними семьями, находящимися в социально опасном положении» (далее Порядок). Согласно этому документу, выявление социально опасного положения — это «комплекс профессиональных действий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по установлению факторов, угрожающих благополучию, здоровью и жизни несовершеннолетних и(или) семей и обуславливающих необходимость вмешательства с целью нормализации ситуации, устранения причин и условий неблагополучия»³. Таким образом, понятие СОП становится неразрывно связанным с категориями благополучия и неблагополучия, которые также четко в этом Порядке не определены. Семейное благополучие и неблагополучие не определено и на уровне федерального законодательства. В связи с этим Комиссия по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни граждан Общественной палаты РФ в 2015 г. выдвинула рекомендации о необходимости описания и закрепления определения категории «семейное неблагополучие»⁴.

Что же, по мнению авторов Порядка, «угрожает благополучию» ребенка? В первую очередь воспитание несовершеннолетнего в семье, где:

- родители (законные представители) не исполняют или исполняют обязанности по воспитанию, обучению или содержанию несовершеннолетнего ненадлежащим образом, отрицательно влияют на его поведение;
- несовершеннолетний подвергается жестокому обращению со стороны членов семьи, родственников (опекунов, попечителей) или иных лиц, проживающих совместно с ним, или несовершеннолетний в принципе находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья;
- сам несовершеннолетний совершает правонарушения или антиобщественные действия: неоднократно злобно нарушает дисциплину, нарушает действующее законодательство.

² Распоряжение № 2-р от 18.01.2016 «Об утверждении Порядка межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга при организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении» // Правительство Санкт-Петербурга. 2016. 19 января. С. 4. URL: <https://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2016/01/19/rasporjazhenie-2-r.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

³ Там же.

⁴ Промежуточные результаты мониторинга исполнения ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (редакция на 22.07.2015) // Общественная палата Российской Федерации. 2015. 3 августа. URL: http://www.oprf.ru/files/2015dok/monitoring_socobslyuzhivanie03082015.pdf (дата обращения: 11.12.2019).

При этом в конце списков критериев и их признаков присутствует категория «иные», позволяющая трактовать действия родителя или ребенка на усмотрение специалистов, принимающего решение о признании наличия СОП. Таким образом, при трактовке СОП специалисты, работающие с семьями, ориентируются не только на формальные критерии, но и на свое личное понимание благополучия и неблагополучия. Личность специалиста, его опыт, его понимание ситуации становятся определяющими в развитии дальнейшего взаимодействия социальных институтов и семьи. Субъективность оценок специалистов при определении схожего по проблематике феномена подростковой девиантности уже отмечалась ранее [Гурвич, 2013].

Таким образом, в научном дискурсе наметилась тенденция к пониманию благополучия как совокупности объективных и субъективных позитивных факторов жизни и окружающей ребенка среды: адекватный экономической ситуации в стране доход (как ВВП на душу населения, так и на уровне семьи), развитое состояние медицинской и социальной инфраструктуры и доступ к ним у семьи и ребенка [Deaton, 2008], дружественная социальная среда, хорошее психологическое самочувствие [Торр et al., 2015], высокое оценочное благополучие (или удовлетворенность жизнью), позитивное гедонистическое благополучие (чувство счастья, грусти, гнева, стресса и боли) и экзистенциальное благополучие (чувство цели и смысла жизни) [Steptoe, Deaton, Stone, 2015] и т. п. Все это подразумевает иной, противоположный нормативно-правовой регламентации подход определения благополучия не просто как отсутствия признаков неблагополучия. Вслед за развивающимся научным дискурсом и среди лиц, принимающих решения относительно дальнейшего развития социальной защиты населения, также формируется запрос на оценку критериев благополучия. На настоящий момент неизвестно, отражается ли эта тенденция и в исполнительском звене социальных служб.

Отсюда цель: дать аналитическое описание того, как специалисты, работающие с семьями, трактуют понятия благополучия и неблагополучия семьи и ребенка.

Методы сбора и анализа данных

В исследовании, которое проводилось с февраля по апрель 2017 г. в Санкт-Петербурге, приняли участие 11 экспертов, представляющих органы и учреждения, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в том числе представители комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы, осуществляющие управление в сфере образования, представители негосударственных некоммерческих организаций, входящие в состав комиссий по делам несовершеннолетних.

Мы провели полуструктурированные интервью как со специалистами, ответственными за принятие решений о признании несовершеннолетнего (семьи) находящимся в социально опасном положении, так и со специалистами, непосредственно реализующими работу с этими категориями граждан (целевая выборка, список экспертов — см. табл. 1): девять специалистов, работающих в государственных, и два эксперта — в негосударственных некоммерческих организациях.

Таблица 1. Список экспертов

№	Должность
P1	Начальник отдела социального сопровождения несовершеннолетних правонарушителей государственного бюджетного учреждения (ГБУ)
P2	Ответственный секретарь районной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав
P3	Руководитель программы помощи семьям Фонда, занимающегося профилактикой социального сиротства
P4	Заместитель директора районного Центра социальной помощи семье и детям
P5	Заведующая отделением профилактики безнадзорности несовершеннолетних районного Центра социальной помощи семье и детям
P6	Заведующая отделением профилактики безнадзорности несовершеннолетних районного Центра социальной помощи семье и детям
P7	Психолог районного Центра социальной помощи семье и детям
P8	Директор Межрегиональной общественной организации
P9	Педагог-психолог городского ГБУ со структурным подразделением детский дом
P10	Заместитель директора по социальным вопросам городского ГБУ со структурным подразделением детский дом
P11	Психолог ГБУ дополнительного образования Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи

В ходе интервью мы предложили специалистам порассуждать о том, как они понимают благополучие, на основе каких критериев семья считается (не)благополучной и по каким причинам семья и ребенок могут оказаться в ситуации неблагополучия, а также о взаимосвязи этих понятий с категорией СОП. В основу гайда интервью и анализа были положены следующие гипотезы:

- (возможно, под влиянием нормативно-правовой рамки) специалисты склонны в своих нарративах опираться на конструкт неблагополучия и его критерии — то есть на негативные характеристики ситуации;
- выделенные критерии как благополучия, так и неблагополучия преимущественно измеряют объективные (фактические) характеристики ситуации в ущерб субъективным ее переживаниям;
- специалисты, принимая решение, является ли семья или ребенок благополучным, основываются как на объективных критериях, так и на собственном субъективном опыте.

Все интервью были транскрибированы, апостериорно закодированы и проанализированы полностью по темам гайда: понимание благополучия, неблагополучия, СОП и их критерии, процедура оценки случаев специалистом.

Результаты

Специалисты (не) склонны в нарративах опираться на конструкт неблагополучия и его критерии

В ходе интервью специалисты не всегда приходили к определению самого понятия благополучия, но успешно описывали свое понимание благополучной семьи и благополучного ребенка. Приведем цитаты обоих типов для иллюстрации нарративов.

В интервью некоторых специалистов действительно встречалось описание благополучия и его различных аспектов через неблагополучие, вернее, его отсутствие. Достаточно емко такое описание иллюстрируется цитатой:

«Благополучие — это отсутствие несчастья» (P10).

Схожая мысль была представлена и в нарративе другого специалиста при описании благополучной семьи.

«Мы его если употребляем, то каждый из нас понимает, что в принципе ничего такого страшного в этой семье нет. Тогда мы можем употребить определение „благополучная“» (P6).

Специалист обсуждает ситуации, когда словосочетание «благополучная семья» обозначает отсутствие проблем. И такое применение имеет общий смысл для специалистов ее организации.

Вопреки нашей гипотезе многие специалисты были готовы говорить о благополучии как совокупности положительных факторов. Интересно отметить, что один из специалистов артикулировала, что в работе термином «неблагополучие» она и коллеги стараются не пользоваться.

«В основном мы не говорим „неблагополучная“, потому что... как-то мне самой тоже не очень нравится этот термин. Мы говорим либо „кризисная семья“, либо семья, которая „в трудной жизненной ситуации“» (P3).

Другая специалист при беседе о благополучии отметила, что характеристики «неблагополучия», закрепленные в языке организации, напрямую влияют на успешность работы отделения помощи. Клиенты боятся быть маркированными как «неблагополучные» и, как следствие, избегают контакта.

«Они пугаются, да [...] Допустим, Отделение профилактики безнадзорности. Само слово уже пихает, отпихивает клиента от работы» (P4).

При обсуждении благополучия детей мнения специалистов во многом отражали современное понимание необходимости обеспечить права и свободы ребенка, а также понимание благополучия как совокупности разных положительных факторов.

«Благополучие — это когда есть возможность безбедно жить, есть комфорт в семье (комфорт в отношениях, комфорт в бытовом плане) и когда люди, окружающие ребенка, его понимают» (P10).

«Для ребенка — это соблюдение всех его прав и обеспечение, минимальное обеспечение, материальное» (P2).

Одна из специалистов отметила, что благополучие ребенка не является лишь производной материальной обеспеченности: при достаточно ограниченных возможностях семья все равно может характеризоваться как благополучная.

«Я думаю, что если у ребенка удовлетворены его потребности: имеется спальное место (пусть даже в коммунальной комнате: семья может быть благополучной и в коммунальной квартире), ребенок одет, обут» (P5).

Некоторые специалисты дали сущностные определения благополучия в своем понимании. Такие определения можно отнести к субъективной оценке благополучия, основанной не только на объективных показателях:

«Я считаю, что благополучие (...) это состояние полного физического, психологического, эмоционального и социального совершенства. Это, наверное, такой процесс

многосторонний, внешний и внутренний [...], наверно, благополучие — это когда все хорошо!» (P9).

Наиболее отчетливо сочетание объективных и субъективных характеристик благополучия выражено в следующей интерпретации:

«Это совокупность психологических, физиологических, социально-экономических, факторов здоровья, влияющих на всех членов семьи. То есть когда и морально-психологический климат в семье благоприятный, и социально-экономическая составляющая в семье благоприятная, включающая и заработную плату, и бытовые условия проживания семьи, и некий такой культурно-педагогический в целом потенциал семьи благоприятный» (P6).

При этом в нарративах некоторых специалистов благополучия детей обсуждается преимущественно со стороны субъективного понимания.

«Благополучный ребенок — это счастливый ребенок, который радуется жизни, получает удовольствие от жизни, проживает свою жизнь. Может сказать о том, что ему нужно, в чем он нуждается, и он сам это понимает, чувствует это» (P7).

«Благополучный ребенок — это в первую очередь ребенок, который живет в семье. Мы не говорим: полная или неполная семья, но у ребенка должно быть ощущение защиты, ощущение семьи. То есть ребенок, проживающий в семье, ребенок, который чувствует себя уверенно, спокойно. Ребенок, имеющий возможность посещать любое учебное заведение, которое ему нравится, и заниматься тем, чем он хочет. И самое главное — ребенок, который может открыто выражать свое мнение, не боясь, что его за это будут обижать, наказывать или еще что-то» (P8).

В этой цитате специалист приводит довольно интересное совмещение объективного фактора (семейного устройства ребенка) и субъективных чувств и эмоций детей. При этом субъективное ощущение возможности «открыто выражать свое мнение» является определяющим.

По итогам рассмотрения общего (не)благополучия специалистами можно заключить, что в их нарративах встречается как отражение существующей нормативно-правовой базы («благополучие — отсутствие несчастья»), так и понимание благополучия как совокупности позитивных факторов, которые могут быть как объективными, так и субъективными.

Критерии как благополучия, так и неблагополучия преимущественно измеряют объективные (фактические) характеристики ситуации в ущерб субъективным ее переживаниям

Как уже было сказано, в нормативной документации, на основе которой строится работа специалистов, социально опасное положение ребенка или семьи является угрозой для благополучия и определяется по наличию критериев. Вслед за определением благополучия в ходе интервью мы просили экспертов выразить собственное мнение о критериях благополучия, не основанное на рабочем регламенте и документации. В вопросе мы не делали акцент на том, объективные или субъективные это будут критерии.

Большинство экспертов одним из важных критериев благополучия назвали психическое здоровье ребенка:

«В моем личном представлении благополучный ребенок — это, во-первых, без психических отклонений» (P1).

Психологически стабильное состояние является залогом успешного взаимодействия ребенка с окружающим миром.

«...То есть процессы возбуждения/торможения, что они согласованы, и ребенок может эмоционально реагировать, но при этом может остановиться. У меня это связано с благополучием. И контакт, способность идти на контакт. Общение с незнакомым человеком, общаться, оставаться наедине, вступать в контакт» (P11).

Маркерами психологического благополучия большинство специалистов назвали такие субъективно воспринимаемые критерии, как «жизнерадостность» и «общительность» ребенка. Также, по мнению информантов, благополучный ребенок «улыбается», «радуется жизни» и «счастлив», «общается со своими сверстниками» и «не сидит круглые сутки за компьютером».

Еще одним критерием, предопределяющим благополучие ребенка, является, по мнению экспертов, наличие нормативной семьи.

«Благополучный — это ребенок, воспитанный, так скажем, в семье с определенными социальными ориентациями, общественно одобряемыми» (P1).

Таким образом, семья выступает фактором, детерминирующим благополучие. Благополучие ребенка невозможно без наличия у него (нее) благополучной семьи.

«Благополучие семьи и благополучие ребенка — это неотделимые вещи. Ребенок может чувствовать себя в безопасности только в благополучной семье» (P8).

При этом такая семья, по мнению специалистов, может иметь проблемы и трудности, но в ней всегда найдутся ресурсы для выхода из сложившейся ситуации:

«Благополучная семья — это не та семья, в которой нет каких-то трудностей, а та семья, которая способна самостоятельно решить эти трудности. У нее найдутся либо личные ресурсы, либо они найдут, кого привлечь, для того чтобы справиться, исправить эту ситуацию» (P6).

Специалисты отметили, что так же, как благополучие семьи не определяется наличием или отсутствием проблем, благополучие ребенка не определяется одним поступком или наличием проблем.

«...Благополучный ребенок [...] в случае каких-то сложных ситуаций для него, он достаточно легко из них выходит, и это не является для него стопором или стрессом» (P6).

Следует отметить, что проявление субъективной ориентации в оценке характеристик благополучия выражалось и в попытке большинства экспертов (в том числе и в цитатах, приведенных выше) выделить основной, ведущий для себя критерий, предопределяющий благополучие.

«Для меня, например, критерий благополучности — это насколько выстроены его отношения с окружающими» (P7).

«То есть из всего того, что я слышу на приеме, из того, что мы обсуждаем, складывается такое впечатление, что всем тотально очень нужно вот это вот внимание и качественное время, что тебя видят, что тебя слышат, что тобой интересуются» (P11).

В то же время, по мнению некоторых специалистов, «критерии благополучия семьи или ребенка для нас какие-то свои в зависимости от целей и задач разных программ [...] у каждого своя отправная точка и свой потолок» (P8). Таким образом, в отсутствии единого стандарта, оценка благополучия может быть разной и может зависеть от конкретной ситуации и программы. Так, специалист из фонда приводит пример, как в их программах выделяются критерии благополучия:

«У нас есть особая схема оценки потребностей детей. Благополучным считается ребенок, чьи витальные потребности удовлетворяются со стороны родителей, где родители демонстрируют готовность обеспечивать безопасное и стабильное окружение для ребенка. Вот такими терминами пользуемся» (P3).

Отметим, что, говоря о нормативно-правовой базе, специалисты отмечают информированность о наличии в ней критериев неблагополучия.

«Ну, благополучия формальных критериев я не встречала, честно говоря. А неблагополучия... Вот у нас же есть этот порядок межведомственного взаимодействия, который разработан на основе 120-го Закона. Там определенные критерии выставлены: что это ребенок, совершающий правонарушение, совершающий преступление; ребенок, который прогуливает занятия в школе; который отстает по программе вследствие того, что он прогуливает, не вследствие того, что он не тянет чисто интеллектуально; это ребенок, который проживает в неблагополучной семье, где родители злоупотребляют спиртными напитками, наркотическими и так далее» (P1).

Перечисленные специалистом критерии «неблагополучия» являются преимущественно объективными, что существенно отличает их от критериев благополучия, выделенных на основании опыта специалистов и отдельных программ. Таким образом, субъективные переживания не исключены из рассмотрения семьи и ребенка самими специалистами, но требуется включение их в нормативно-правовое поле.

Процесс принятия решения основан как на объективных критериях, так и на субъективном опыте специалиста

В Санкт-Петербурге информация о семьях или детях, которые могут быть в дальнейшем признаны находящимися в социально опасном положении, поступает в Комиссию по делам несовершеннолетних (КДН) из детских садов, школ или отделов полиции: *«Чаще всего поступает сообщение из полиции, из образовательных учреждений. Это чаще всего школа, а не детский сад. Полиция, школа, опека. Иногда бывают личные заявления» (P6).*

Из школы, как правило, информация поступает либо о таких признаках ребенка, обеспокоивших учителя, как систематические прогулы, неопрятный внешний вид ребенка младшего школьного возраста, девиантное поведение, в том числе серьезные проступки ребенка: драка, кража, повторяющиеся случаи серьезного хулиганства.

«В школе, например, сразу замечают сигналы. Там, ребенок перестал ходить, ходит грязный. (...) Хотя да. Некоторые школы дотягивают до того момента, что уже когда дети не ходят в школу сейчас... и доходит, что уже вообще ничего не сделать. Когда более маленькие дети, например, пятый класс, то как-то более внимательно к детям относятся. А когда уже подростковый, конечно, там почему-то не так...» (P7).

В то же время в поле зрения Комиссии может оказаться и ребенок, переходивший дорогу на запрещающий сигнал светофора или подросток, который курил в неположенном месте. Скорее всего, такой случай не будет рассмотрен подробно, ребенка «порукают» или выпишут штраф и отпустят. Однако возможны и другие решения.

«...На КДН-то тащат всех подряд: тот, кто кого-то травмировал каким-то образом, тот, кто на даче на мопеде без шлема проехал, понимаете? И всех в одну...» (P11).

При выявлении семей в социально опасном положении многое зависит от личности специалиста, занимающегося проверкой поступившего сигнала, и его субъективных представлений.

«И кто-то, если мама, допустим, в каком-то там неврозе, или там, не знаю, в какой-то депрессии, то ставит там [графа в отчете „Риск девиантного поведения в будущем“] галочку, а кто-то — нет. Ну, то есть это тоже такое вот... Очень субъективно. Это сплошное субъективное впечатление, да» (P11).

Все специалисты стараются рассматривать случаи, попавшие к ним, ситуативно, акцент делается на наличие у ребенка и его семьи ресурсов. При работе с семьей специалисты опираются на эти ресурсы для преодоления тяжелой ситуации, в которой оказалась семья.

«Что для одного человека благополучие, для другого может быть немножко на другом уровне. Мы всегда смотрим на ресурсы, на сильные и слабые стороны семьи» (P3).

«Первое, чем занимается рабочая группа, это аккумуляция ресурсов семьи на решение тех причин и условий, которые вызвали либо трудную жизненную ситуацию, либо социально опасное положение» (P4).

Траектория дальнейшего жизненного пути будет во многом зависеть не только от наличия ресурсов, но и от представлений людей, отвечающих за оказание помощи и принятие решений. Специалист может быть готов работать с ситуацией, либо на основании опыта считать эту работу невозможной.

«И, конечно, у нас семьи неблагополучные, у них очень низкий уровень интеллектуальный. [...] У них способности к психическому какому-то пониманию... конечно, очень примитивный уровень развития психики, поэтому с ними работать психологически практически невозможно, потому что очень низкий уровень» (P7).

«Моя позиция — если крайняя стадия алкоголизма и наркомании, если это постоянным потоком, то решать надо сразу. Потому что бесполезно [убеждать] человека... он уже ушел из этого мира, из этого понимания, из реальности. С ним бесполезно что-то делать... Лишение прав, но это ничего не изменит. Вообще, конечно, надо их изымать. Наверное, лучше им в детских домах...» (P2).

По мнению многих экспертов, «социально опасное положение с неблагополучием связано, конечно, не всегда» (P1). Для других экспертов то, что семья была квалифицирована находящейся в СОП, является серьезным событием:

«Нет, социально опасное положение — это социально опасное положение. Это мы действительно говорим, что есть угроза жизни и здоровью ребенка (...) Там должна быть угроза жизни и здоровью» (P8).

Однако постановка, например, на учет в полицию для тех же экспертов может не стать основанием для беспокойства:

«...Это рамки, которые задает система, но это не значит, что ребенок неблагополучный. Ребенок может быть и благополучным. Мало ли почему он попал на учет [в полицию]» (P8).

Таким образом, как и в нормативной документации, описание СОП и формальных «столкновений с системой» логически возвращается к благополучию как таковому и его пониманию специалистом.

Выводы

В нашем исследовании специалисты продемонстрировали понимание благополучия, созвучное современным представлениям о данном феномене. При определении благополучия специалисты использовали как объективные, так и субъективные критерии. Они убеждены, что благополучие и неблагополучие семьи является определяющим для благополучия или неблагополучия ребенка, в ней проживающего. Медиаторами благополучия и неблагополучия являются ресурсы (внутренние, внешние) семьи и ребенка. В представлении специалистов семья, соответствующая существующим в обществе нормам, является залогом благополучия ребенка. Сообразно этим убеждениям, и неблагополучная семья, а именно семья, отклоняющаяся от норм, формирует неблагополучие ребенка.

В реальности для оценки благополучия специалисты используют как субъективные, так и объективные критерии, в то время как неблагополучие оценивается преимущественно по объективным критериям и фактам, которые становятся известны системе защиты детей. Можно заключить, что при разборе каждого индивидуального случая специалисты руководствуются критериями неблагополучия как объективными основаниями для работы с семьей, а названные критерии благополучия как раз и являются основанием для детальной оценки случая. Сформированное таким образом мнение специалиста позволяет ему/ей отнести случай к (1) неблагополучным без возможности к изменению ситуации, (2) неблагополучным, но с имеющимися ресурсами к исправлению ситуации, (3) благополучным с ситуативным проявлением тех или иных отклонений. Порядок действий специалистов во многом согласуется с современными тенденциями в изучении благополучия детей социальными исследователями: оценка как субъективных, так и объективных факторов благополучия, принятие во внимание факторов-медиаторов, таких как ресурсы семьи, предыдущая история семьи. Также деятельность специалистов полностью согласуется и с формальными критериями, закрепленными в нормативных документах, теми критериями, которые являются признаками неблагополучия. Таким образом, научные исследования не противоречат реальной практике специалистов, объединение наработок ученых с имеющимися тенденциями в социальной сфере может иметь долгосрочные позитивные последствия. Необходимо дальнейшее исследование критериев и стадий благополучия, выделение индикаторов, позволяющих ориентироваться специалисту в принятии решения о возможностях дальнейшей работы с семьей или ребенком.

Список литературы (References)

Астоянц М. С. Политический дискурс о сиротстве в советский и постсоветский период: социальная интеграция или социальное исключение? // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. No. 4. С. 475—500.

Astoyants M. S. (2006) Political Discourse on Orphanhood in the Soviet and post-Soviet Period: Social Integration or Social Exclusion? *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 4. No. 4. P. 475—500. (In Russ.).

Гурвич И. Н. Влияние дискурсивных практик в отношении девиантного поведения подростков на применение к ним мер ограничительно-коррекционного характера

// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2013. No. 2. С. 23—30.

Gurvich I. N. (2013) The Influence of Discursive Practices of the Deviant Behavior of Adolescents on the Application of Restrictive-Corrective Measures to Them. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 16: Psychology. Pedagogy*. No. 2. P. 23—30. (In Russ.).

Мехришвили Л. Л., Леонова Е. Ю. Организация работы с молодежью в системе пенитенциарных учреждений. Тюмень : ТюмГНГУ, 2015.

Mekhrishvili L. L., Leonova E. Yu. (2015) Organization of Work with Youth in the Penitentiary System. Tyumen: TyumGNGU. (In Russ.).

Одинокова В. А., Русакова М. М., Усачёва Н. М. Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. No. 2. С. 129—144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.08>.

Odinokova V. A., Rusakova M. M., Usacheva N. M. (2017) Experience of Evaluation of Well-Being of Children Living in State Care Institutions for Orphans. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 129—144. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.08>.

Олиференко Л. Я., Шульга Т. И., Деметьева И. Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. М. : Академия, 2008.

Oliferenko L. Ya., Shulga T. I., Dementieva I. F. (2008) Social and Pedagogical Support for Children at Risk. Moscow: Akademiya. (In Russ.).

Поддубная Т. Н. Социальная защита детства в России и за рубежом. М. : Академия, 2008.

Poddubnaya T. N. (2008) Social Protection of Childhood in Russia and Abroad. Moscow: Akademiya. (In Russ.).

Русакова М. М., Одинокова В. А. Теоретические основы и опыт мониторинга соблюдения прав и благополучия детей в интернатных учреждениях: обзор публикаций // Теория и практика общественного развития. 2014. No. 16. С. 40—52.

Rusakova M. M., Odinokova V. A. (2014) Theoretical Foundations and Experience of Monitoring of Observance of Rights and Well-Being of Children in the Residential Care Institutions: Review of Publications. *Theory and Practice of Social Development*. No. 16. P. 40—52. (In Russ.).

Рыбинский Е. М., Кузнецова Л. В., Несмеянова М. И. Государственная социальная политика в интересах детей // Социологические исследования. 1998. No. 12. С. 79—82.

Rybinsky E. M., Kuznetsova L. V., Nesmeyanov M. I. (1998) State Social Policy in the Interests of Children. *Sociological Studies*. No. 12. P. 79—82. (In Russ.).

Семья Г. В. Проблема сиротства в России: экономический и социальный аспекты // Приемная семья: Информационно-методический журнал. 2013. No. 2. С. 9—14.

Semya G. V. (2013) The Problem of Orphanhood in Russia: The Economic and Social Aspects. *Foster Family: Informational and Methodical Journal*. No. 2. P. 9—14. (In Russ.).

Социально опасное положение семьи и детей: анализ понятия и методология оценки / науч. ред. Е. Р. Ярская-Смирнова, В. М. Маркина. М. : Вариант, 2015.

Yarskaya-Smirnova E.R., Markina V. M. (eds.) (2015) *The Socially Dangerous Situation of Family and Children: An Analysis of the Concept and Evaluation Methodology*. Moscow: Variant. (In Russ.).

ЮНИСЕФ. Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах: Доклад Исследовательского центра ЮНИСЕФ «Инноченти». Вып. 7. Флоренция : ЮНИСЕФ, 2007.

UNICEF. *Child Poverty in Perspective: An Overview of Child Well-Being in Rich Countries*. Innocenti Report Card 7, UNICEF. Florence: Innocenti Research Centre, UNICEF, 2007.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П. В., Антонова В. К., Бирюкова С. С. Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате семейной политики и защиты детства в современной России // Политика семьи и детства в постсоциализме. М. : Вариант ; ЦСПГИ, 2014. С. 72—98.

Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V., Antonova V. K., Biryukova S. S. (2014) Well-being and Ill-being in the Conceptual Framework of Family Policy and Child Protection in Contemporary Russia. In: *Family and Childhood Policies in Post-Socialism*. Moscow: Variant, TsSPGI. P. 72—98. (In Russ.).

Deaton A. (2008) Income, Health, and Well-being around the World: Evidence from the Gallup World Poll. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 22. No. 2. P. 53—72. <https://doi.org/10.1257/jep.22.2.53>.

Stephoe A., Deaton A., Stone A. A. (2015) Subjective Wellbeing, Health, and Ageing. *The Lancet*. Vol. 385. No. 9968. P. 640—648. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)61489-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)61489-0).

Topp C. W., Østergaard S. D., Søndergaard S., Bech P. (2015) The WHO-5 Well-Being Index: A Systematic Review of the Literature. *Psychotherapy and Psychosomatics*. Vol. 84. No. 3. P. 167—176. <https://doi.org/10.1159/000376585>.